

Неделя, 1983,
ОРГ. № 41

ГОЛОС ПАРИЖА

Старая истина: чтобы стать художником на все времена, нужно с болью и страстью выразить свое время.

Чтобы сделаться близким и дорогим для других народов, необходимо быть плотью от плоти собственного.

Ровно двадцать лет назад умерла, не дожив и до пятидесяти, Эдит Пиаф, всею своею жизнью, каждой своею песней, ежедневным своим самосожжением на сцене подтвердившая справедливость этого давнего наблюдения. Каких только неслыханных и невиданных мод, веяний и направлений не возникло за эти двадцать лет на мировой эстраде, сколько ярчайших звезд воссияло и сгинуло навсегда! Но вот по радио раздается неистовый, непочтительный, уличный голос Пиаф, и мороз волнения пробегает по коже.

«Малышка» Пиаф, «воробышек» Пиаф, рост метр пятьдесят, чистого веса не наберется и пятидесяти килограммов, кожа да кости да огромные глаза — откуда в ее голосе бралось столько мощи, трагизма, великолепного презрения к филистерству, к расчетливой буржуазной морали? Эдит Гасьон, за гроши певшая по монмартрским дворам и закоулкам, — где обрело ее искусство великолепное благородство чувств и социальный неподдельный размах?!

Риторические вопросы. Эдит Пиаф была дочерью народа, того самого, что построил прекрасный Париж, что плясал на развалинах Бастилии и «штурмовал небо», учреждая Коммуну, что всегда умел радоваться женской улыбке, стакану вина, звукам аккордеона. Она была дочерью народа не только потому, что выросла возле стойки рабочего трактира, а потому, что даже в самых изысканных своих песнях воплотила народную эстетику, представления о счастье и справедливости, какими живет обездоленный, но не сломленный человек тру-

да. Человек улицы, с ее непременным окраинным шиком, с надрывом ее, с откровенностью любви и смерти. Человек толпы, готовый время от времени взорваться от давления веками накопленного праведного гнева.

Вот почему ее песни пережили эпоху своего создания и исполнения. Благородный триумф Народного фронта, когда «попюло» — человек из народа — впервые завоевал парижские подмостки и экраны. Позорную ночь оккупации, когда в голосе Пиаф патриоты слышали поправленную гордость и надежду. Послевоенный подъем демократического духа, его смятение, спад, его новый взлет, обусловленный ненавистью к заокеанскому диктату, к фашистам с пластиковыми бомбами, к мятежникам в генеральских мундирах.

Вот почему мы, люди другой культуры и иных традиций, с сердечным сжатием внимаем искусству Эдит Пиаф, всматриваемся в ее лицо, подлинное и воплощенное на экране и сцене, вчитываемся в написанные ею строки.

Ее оплакивала вся Франция. И холодные светские снобы, завсегда на дорогих лож в «Бобино» и «Олимпии», и те, для кого ее песни были повседневным бытом, парижский народ в кепках и беретках, с зажатыми в губах крепчайшими сигаретами «Голуаз».

Народ умереть не может. А потому жив голос Эдит Пиаф, ни в чем не знающий меры — ни в страдании, ни в ненависти, ни в любви.

АН. МАКАРОВ.